

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 31-й № 39 (4164) Четверг, 31 марта 1960 г.

Цена 40 коп.

На снимке слева — глава Советского правительства отвечает на приветствия...

ЧИТАЯ И СЛУШАЯ Н. С. ХРУЩЕВА... НА ВСЕХ ЯЗЫКАХ МИРА

В КЛЮЧАЯ в эти дни радио, на всех языках мира я слышу имя Никиты Сергеевича Хрущева. И на все языки переведены слова...

«ХРУЩЕВ, НА БАЛКОН!»

МАРСЕЛЬ И «МАРСЕЛЬЕЗА»

УДИВИТЕЛЬНЫЕ минуты пережили мы, когда Марсельский муниципалитет принимал главу Советского правительства...

Впрочем, омрачить радостные минуты жителей Дижона, давно и крепко связанных узами дружбы со сталинградцами...

Борис ПОЛЕВОЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Под впечатлением всего этого, что, разумеется, не могло не взволновать сердце защитника Сталинграда, собственными глазами виденного на Волге в трудные дни второй мировой войны...

УРОКИ ИСТОРИИ

МИНУВШЕЙ осенью в Люксембурге и в Париже мы следили за реактивным самолетом, вычерчивавшим в бледно-голубом небе огромные буквы — рекламу парфюмерной фирмы...

Мар Марсель, социалист Деффер, приветствуя советского гостя, произнес живую, яркую, полную чисто марсельского юмора и французского дружелюбия речь...

Сейчас священник Кири физически отсутствует здесь. Но духовно он с нами, духовно он со мной. И обнимаю и поздравляю его за те усилия, которые он проявляет в борьбе за мир...

И вот сюда, в город боевой славы французской армии, приехал Н. С. Хрущев, который был одним из генералов Сталинграда. Верден встретил его радужным, которое уже стало привычным в этом путешествии по Франции...

И, вероятно, потому в этих краях, когда бывших плацдармов одной из величайших битв, с особой силой, с особой энергией и с особым уважением звучало: «Хрущев, на балкон!»...

«ЗАЩИТНИКА СТАЛИНГРАДА ПРИВЕТСТВУЕТ ЗАЩИТНИК ВЕРДЕНА»

Газеты пишут, что ни один еще высший гость не двигался по стране с такой быстротой, с какой путешествует глава Советского правительства...

Дорогой господин Хрущев! Мы, дети Франции, очень хотим мира. Гость не сумел скрыть волнение. Он ответил с полной серьезностью: — Мы сделаем все, чтобы царил мир, чтобы дети не знали, что такое война...

Н. С. Хрущев обменивается рукопожатиями с приветствующими его лилльскими детьми.

Я хотел бы, чтобы государственные деятели всегда помнили об уроках истории, выработавшая свою политику... Глава Советского правительства выразил эти мысли словами миллионов французских солдат...

...ОНО хранилось в застекленной рамке в одной из комнат клуба железнодорожников, и каждый раз, в день смерти вождя, старейшие рабочие рассказывали новому пополнению о том, когда и при каких обстоятельствах было получено письмо от Ильича.

Потом подлинник письма был отправлен в Москву, а копии — копии не потребовалось, участники и свидетели этих событий запомнили текст почти дословно и так передавали из уст в уста.

Шли годы. Минували десятилетия. Все меньше оставалось на станции ветеранов, но молодые железнодорожники с прележной гордостью говорили: это нас, пролетариев, благодарил Владимир Ильич в трудном 1921 году.

Эта благодарность... Однако, чтобы было понятней, следовало сначала рассказать о самой станции. Ведь если вы захотите ее найти, то вам придется потрудиться: не на каждой карте ее обозначили. Но вы не поленились, — станция заслуживает того, — посмотрите схему железнодорожных сообщений и там, по дороге из Сталинграда в Ростов-на-Дону, в самом центре Сальской степи, увидите Манчич, не без труда прочтете: «Пролетарская».

Но и это название ничего вам пока не скажет.

Зато, если вы интересуетесь историей гражданской войны, вам должна быть известна станция Великолюкская. Станция и прилегающая к ней станция с тем же названием много раз становились ареной ожесточенной борьбы. Ее захватывали юнкера и белоказаки атамана Попова, в ней бесчинствовали банды белогвардейского генерала Мамонтова, над ее многообразным населением чинили суд и расправу «добровольческие» головорезы Деникина.

Так вот, Великолюкская — это и есть теперь Пролетарская.

В начале 1920 года Первая Конная армия освободила — и на сей раз окончательно! — Великолюкскую и прилегающие к ней хутора и станции. И тогда-то развернулись события, явившиеся предисторией к ленинскому письму.

Тут же, после освобождения, железнодорожники станции Пролетарская, в основном бедняки «индустриального» по составу фронтников-коммунистов создали сельскохозяйственную коммуны, в которую вошло 412 рабочих и членов их семей.

На землях бежавшего коннозаводчика коммуны расплакали первые сотни десятин тяжелой, уплотненной табунами целины, поселили пшеницу, ячмень, просо, насадили небольшой огородик. На большее размахнуться было не с чем: коммуна имела всего 8 пар старых волов, 6 вырванных лошадей и двух верблюдов. Под стать тяжелой силе был и наличный

К 90-летию СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
В. И. ЛЕНИНА

В СТЕПИ, У МАНЧИЧА

сельскохозяйственный инвентарь. И все же дружный труд коммунаров позволил собрать приличный по тем понятиям, урожай. Первый урожай мирного времени!

В те дни, когда собравший урожай распределялся среди коммунаров, кто-то из руководителей коммуны прочитал речь Ленина, Владимир Ильич говорил о том, какие неслыханные жертвы взяла на себя за эти годы самая передовая, самая сознательная часть городского и промышленного пролетариата, о том, что в Москве рабочие снимают от голода у станка, о том, что только при напряжении всех сил можно обеспечить рабочих двумя фунтами хлеба в день.

Об этой речи коммунисты рассказали членам коммуны. И вот люди сами, по своей воле от чистого сердца пожелали поделиться с голодающими москвичами всем, что имели сами. Но запасы их все-таки были очень скудными и тогда пролетарии решили пойти на Соляные озера, добыть как можно больше соли, часть ее пометать в дальних станциях на хлеб, а часть отправить вместе с хлебом в Москву.

Все лето и осень на Соляных озерах, окружающих Пролетарскую, кипела работа. Каждый выходной на субботники уходили все свободные от дежурства железнодорожники, их жены и дети.

В канун третьей годовщины Октября под громкие крики «ура» от перрона отошел небольшой эшелон. На одном из товарных вагонов было написано: «Дорогим рабочим Москвы и любимому Ленину от членов трудовой коммуны и рабочего коллектива железнодорожной станции Пролетарская». Гром дегустатор от рабочих сопровождал подарок и велел Ленину подробно письмо о делах коммуны.

Делегаты вскоре вернулись, доложили, что Ильича, занятого важными делами, повидать не удалось, но документы переданы по назначению. С нетерпением ожидали пролетарии ответа из Москвы.

И вот 26 января паровозные гудки призывно загудели над станцией. Все узнали этот условный сигнал и поспешили к зданию двухклассного железнодорожного училища — там в большом зале обычно собирались коммунары для решения своих дел. Над станцией кружились снежные вихри, ветер валил с ног, но никто — ни стар, ни млад — не остался дома.

«Рабочим, мастерам, служащим и комкачейке ст. Пролетарская Владикавказской железной дороги», — раздали над крышей тополь первые слова письма. Ленин сообщал, что он получил фактуру на отправленный груз из 2002 пудов пшеницы, 1869 пудов 29 фунтов ячменя и 35 пудов муки — и распорядился, чтобы груз, доставшийся в пути не по вине последних пролетариев товарищей, был доставлен в адрес Наркомпрода и все посланное продовольствие передано для рабочих города Москвы.

Ленин писал, что он с большим удовольствием узнал о том, как была организована посылка подарков, о том, как в порядке субботника производилась заготовка соли, о субботниках вообще и о культурно-просветительной работе на станции.

«Особенно меня заинтересовало», — горворилось в письме, — открытие Вами Коммунистическое Сельское хозяйство. Сейчас одной из главных задач, стоящих перед Республикой, является развитие и подъем сельского хозяйства».

Меня порадовало сообщение, что Вам в этом году удастся разработать 2200 десятин на пахоту и 25 десятин под огородами.

«Вы должны», — писал далее Владимир Ильич, — позаботиться о том, чтобы сельское хозяйство Ваше было правильно организовано, как учил агрономическая наука, для чего советуем Вам привлечь к Вашему делу знатоков агрономов».

И выделяя подчеркнутыми Ильичем слова, человек громко и выразительно зачитывал последний абзац письма:

«В особенности прошу ставить работу в Коммуне так, чтобы помочь окрестным крестьянам и иметь с ними наилучшие

отношения. Без этого и без делового практического, хозяйственного успеха я коммуна верю плохо и немного даже коммуна бояюсь».

...Вот это письмо долгие годы хранилось в железнодорожном клубе. Об этом письме до сих пор с гордостью вспоминает молодое поколение пролетариев.

Ваш корреспондент недавно побывал в Пролетарской, чтобы узнать подробности, касающиеся ленинского письма.

Мне, как всякому газетчику, хотелось бы — это было бы очень выигрышно, очень эффектно! — написать, что станция неизменно изменялась, что на ее месте возрос какой-нибудь индустриальный гигант, а пристаниционный поселок превратился в благоустроенный город.

Но нет, жизнь не всегда дает журналисту материал для картинных описаний. Пролетарская и сейчас — маленькая станция. Каких сотен и тысяч на железнодорожных просторах нашей державы. И все-таки... Все так и здесь, в этой глухой степи, у речушки Манчич, как и в любом уголке Советской страны, перемены — пусть они даже не бросаю в глаза — поразительны, колоссальны.

В самом деле: что самое важное, о чем нельзя не сказать?

О том, что вместо 2200 десятин пахотной земли, которым владели Ленин, колхозы и совхозы района сегодня засевают 132 тысячи гектаров и обрабатывают их и убирают с помощью 637 тракторов, 240 комбайнов и множества другой сельскохозяйственной техники.

Или о том, что в сельском хозяйстве района, где Ленин мечтал иметь хотя бы одного агронома, сейчас трудятся 49 агрономов, 50 зоотехников и ветеринарных врачей, 30 ветфельдшеров, более двух тысяч трактористов шоферов, комбайнеров, электриков и других механизаторов.

Или о том, что над станцией и на Пролетарском районе проходит линия электропередачи Шимлянский ГЭС и электричеством можно вытеснить традиционную керосиновую лампу и ручной труд железнодорожника, оно качает воду на поля колхозника, донт коров, стрижет овец, пилит бревна, кушит стани в колхозных мастерских, освещает жилища и поет в радиоприемниках.

Или о том, что кубанская вода пришла в засушливые, просолонные примыкающие, Сальские степи. Или о том, как, претворяя в жизнь ленинский совет о всемерном внимании к культурно-просветительному и школьному делу, пролетарии ныне имеют в районе 46 школ, более 20 больниц, амбулаторий, родильных домов, фельдшерско-акушерских пунктов, 33 клубов, 31 киностанцию и 79 общественных библиотек.

А может быть о том, что станция Пролетарская вместо прежних 4—6 поездов теперь пропускает во много раз больше составов в сутки. Что она ежегодно на сотни вагонов увеличивает выгрузку самых разнообразных грузов, начиная с сельскохозяйственного и строительного леса, кончая мотоциклами, мануфактурой, книгами, оборудованием для колхозных клубов и мебелью для растущих, как грибы, новых жилищ колхозников и рабочих. И что с этой станцией все больше отправляется Родины зерна и ценнейшей тонкорунной шерсти, что москвичи и ленинградцы получают отсюда огурцы и помидоры, живую рыбу и раков, что эленинский племенной скот идет не только во многие районы страны, но и в Китай и Египет, в Монголию и Корею.

Как тут любить пошутить. Пролетарская множит и крепит свои внешнеполитические связи.

— Мы хотим, чтобы наша маленькая скромная станция была самой лучшей на нашей дороге. Мы хотим, чтобы проезжие вспоминали ее с удовольствием, а наши люди жили на ней с радостью и работали с наслаждением».

Так сказал мне на прощанье начальник станции Михаил Яковлевич Мачулин — человек, без отрыва от производства получивший специальное образование.

У пролетариев двадцатых годов — достойные наследники!

Е. ЛОПАТИНА,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»
РОСТОВ-НА-ДОНУ

НА РОДНОЙ ЗЕМЛЕ, СРЕДИ РОДНЫХ ЛЮДЕЙ

29 марта на самолете «Ту-104» возвратились на Родину герои 49-дневного дрейфа в Тихом океане — Ахсат Зиганшин, Филипп Поплавский, Анатолий Крочковский, Иван Федотов. Отважную четверку встречали представители партийных, советских и комсомольских организаций Москвы, Министерства обороны СССР, коллективов трудящихся. Теплыми, душевными словами приветия встретила столица славных сынов.

Когда закончился митинг, наш корреспондент подошел к послу Соединенных Штатов Америки в СССР Л. Е. Томпсону, прибывшему на встречу, и спросил его:

— Что бы вы, господин Посол, хотели сказать «Литературной газете» по поводу этого события?

— Я с большим удовольствием встречал четырех смелых мужчин и приветствую их с прибытием на Родину. Пусть этот случай крепит нашу дружбу, — любезно ответил господин Томпсон.

А Зиганшин, Ф. Поплавский, А. Крочковский, И. Федотов оставили в блокноте корреспондента следующую записку:

«Через «Литературную газету» передаем привет с читателям и советским писателям, чьи книги мы любим и высоко ценим».

Вчера, 30 марта, Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский принял младшего сержанта А. Зиганшина, рядовых Ф. Поплавского, А. Крочковского и И. Федотова.

В беседе отважные воины рассказали о трудностях, которые им пришлось пережить в течение 49 дней дрейфа на самоходной барже Т-36.

Отвечая на вопросы министра, члены экипажа тепло отзывались об американских моряках, спасших их, о внимании и заботе, которыми они были окружены на авианосце «Кирсардж».

Маршал Малиновский поблагодарил воинов за мужество, отвагу и твердость духа, проявленные в борьбе против стихии и невзгод, за безупречное выполнение воинского долга. Он сердечно поздравил их с награждением орденами Красной Звезды и пожелал им доброго здоровья, дальнейших успехов в боевой и политической подготовке.

Министр обороны СССР вручил Зиганшину, Поплавскому, Крочковскому и Федотову памятные подарки.

На приеме присутствовали главнокомандующий сухопутными войсками Маршал Советского Союза А. А. Гречко, начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии Ф. И. Толбук, заместитель начальника Главного политического управления генерал-полковник П. А. Лопкин, секретарь ЦК ВЛКСМ П. Н. Решетов, представители советской печати, радио и телевидения.

Первые минуты на родной земле, младший сержант А. Зиганшин, рядовые Ф. Поплавский, А. Крочковский и И. Федотов, Фото А. Никольца

Валентин БЕРЕСТОВ

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

ВНУКОВО, 29 МАРТА...

ЛИРИЧЕСКИЙ РЕПОРТАЖ

Мы ожидали четырех ребят, которых только-только мы узнали, хоть и казалось, что мы знаем их. Быть может, лучше, чем себя самих, Благодаря судьбе их небывало, жестокой, неожиданной проверке, Раскрывшей все, что в них вложила жизнь».

Народ, народ — и в окнах, и на крыльях Автобусов, на трапах, на ступеньках... А у трибуны, что на летном поле, Столпились представители печати Во всеоружье перьев и кассет.

Но очень может быть, что все вокруг — И старки, и взрослые, и дети Все добровольные корреспонденты Своих семей, друзей и земляков.

Вот самый маленький «корреспондент». Хотя ему всего четыре года, Он знает, что пришел встречать героев.

Поняте океан? Ему знакомо, Он знает также цифру 49... Смотри во все глаза, веселый мальчик, Корреспондент из будущих времён! Когда-нибудь ты это все поймешь, И все оценишь, и еще расскажешь Об этой встрече, заново увидишь И заново ее переживешь.

Ревут моторы. Слышите? Моторы! Прерывисто, мучно, напряженно. В них — как бы трепет четырех сердец. С их — как бы трепет четырех сердец. Под музыку подкачивает трап. И четверо спускаются по трапу. И музыка гремит! И четкий рапорт, Что все в порядке, что домой вернулись».

Потом я их увидел на трибуне. Они стояли твердо, принимая К бортам трибуны свежие цветы. Ну, до чего ж вы молоды, ребята! Конечно же, мы все об этом знали, Но, глядя на вас, мы удивились: Так молодки, что за душу берет!

Иван Федотов (он был крайним слева) Такой высокий, сильный и веселый, Стоял и улыбался. И, наверно, Не знал, что улыбается. Улыбка Сама рождалась от избытка счастья.

Крочковский, невысокий, круглолицый, Кого-то все искал, искал глазами, Искал и находил, и вновь искал.

Их капитан, их командир Зиганшин Казался самым юным, самым хрупким И отрочески легким. Но пружина Какая-то в нем чувствовалась. Он Не зря был самым главным среди равных».

Он слушает приветственные речи. Должно быть, что-то к горлу подступило. И сделал он глоток. И подборокот Чуть дрогнул. И не все, что это видел, Сдержали слезы...

А стоявший справа Поплавский, очевидно, ощутив Взгляд чьих-то глаз, настойчивый, счастливый, Вдруг обернулся, и нашел тот взгляд. И улыбнулся радостно.

Когда же Зиганшину дал слово председатель, То замерли да товарищи его. Уж не каждого поодиночке, — Их, слитых вместе, увидели мы. И мы, мы тоже были с ними слиты.

У ТЕЛЕВИЗОРА

Ошеломляет, влаетвет В экранх лучевых Слученное, — скажуте Великие четверых! Снятые прозыники, В экраны стар и млад В экраны телевизоров, Как в зеркало, глядят.

РЕПЛИКИ

ГРУБОСТЬ НЕ УКРАШАЕТ

«Фельетон о фельетонах» или творческий очерк Частоплюева — так называется выступление журнала «Крокодил» (№ 7, 1960 г.).

Приложенный к фельетону «Список использованной литературы» без охотливости указывает на то, что карикатурный образ Частоплюева — не сатирическое обобщение. Автор фельетона, подписавшийся «Фельетонист», приклеил эту оскорбительную кличку своему собрату по перу — фельетонисту «Литературной газете» Л. Лиходееву.

Скажем сразу: фельетоны Л. Лиходеева есть за что критиковать. В частности, дает основание для серьезной критики фельетон «Сонные души» («Литературная газета», 26 сентября 1959 г.). И вряд ли серьезная и принципиальная критика этого фельетона вызвала бы какие-либо возражения.

Однако «Крокодил» выступил не с такой критикой. В недопустимо развязном тоне, не гнушась дешевой зубоскальства «Фельетонист» «Крокодила», в сущности, перепроверил все, что сделано Л. Лиходеевым.

Л. Лиходеев, с недавних пор работающий в трудном жанре проблемного фельетона, за последнее время опубликовал в «Литературной газете» около двух десятков фельетонов, избирательно критикуя, стаятельность, низкопоклонство, бюрократизм, равнодушие и другие пережитки прошлого в быту и сознании людей. Быть может, не все они, с точки зрения художественной, совершенны: серьезный профессиональный разбор принес бы фельетонисту только пользу. Но допустимо ли, что журнал сатиры и юмора, который, казалось бы, должен поддерживать любое интересное начинание в этой области, так грубо и недостойно обрушился на писателя-сатирика?

Подведем итоги: карикатурный образ фельетониста Частоплюева, оплевывающего советскую действительность, образ, приклеванный «Крокодилу» к Л. Лиходееву, ничего общего с последним не имеет.

Этим можно было бы, пожалуй, и кончить, если бы не одно новое обстоятельство.

«Крокодил», как явствует из следующего, восьмого номера журнала, не ограничился извещением о своем выступлении к Л. Лиходееву. На этот раз глумливо подверглась уже целая группа советских писателей. Речь идет о литературных пародиях Сергея Смирнова, в которых ни за что ни про что, с непонятным озлоблением шельмуется люди, плодотворно работающие в советской литературе. С. Смирнов изображает советских писателей карьеристами, приспособленцами, двоедушными и неискренними людьми.

Парадны названы: «С чувством лютя и ложкой детства». Что касается «чувства лютя» (то есть чувства товарищества), то его, к сожалению, в этих пародиях обнаружить не так легко. А вот больше действительно многовато. Куда деться, чем ложка.

Какую цель преследовал «Крокодил», представлявая свои статьи для этого беспрепятственного выступления? Зачем поведобились эти личные выпады, дурно пахнущие намеки в разговоре о советских писателях?

70-летие Б. ВАЛЬБЕ

Свою первую статью, посвященную творчеству А. Амфитеатрова, литературный критик Б. Вальбе опубликовал еще в 1910 году. С тех пор им выпущено несколько книг (то Джонс Риде, о Н. Помпословном, об А. Чапыгине), опубликовано большое количество статей в периодической печати о русских классиках и советских писателях. Много сил и времени Б. Вальбе посвятил изучению творчества М. Горького.

Поздравляя Бориса Соломоновича Вальбе с 70-летием со дня рождения и пожелав творческой деятельности, секретариат правления Союза писателей РСФСР пожелал ему здоровья и дальнейшего плодотворного творчества.

— Ответьте читателям, товарищ министр!

Долг и гражданская обязанность руководителей учреждений, в которые обращаются советские люди непосредственно или через печать со своими предложениями, запросами, критическими замечаниями, — отвечать на эти предложения, запросы и критические замечания. Вот почему в заключение хотелось бы обратиться лично к товарищу С. В. Курашову, министру здравоохранения СССР:

— Ответьте читателям, товарищ министр!

ЯКУТСКИЕ ВСТРЕЧИ

В бухте Тинис и на островах Анну Северного Ледовитого океана, в низовьях Яны и на строительстве Вилюйской ГЭС, на рудниках Верхоянских, присисках Усть-Неры и Оймякана, в Мирном, Боргоноцах и в ряде других мест Якутии побывали группы писателей и журналистов из литературной «Литературной газеты». Они встречались с трудящимися республики, проводили литературные вечера, читательские конференции, выступили по радио, в местной печати.

Полуторасуточное пребывание творческого коллектива выездной редакции закончилось встречей с общественностью Якутска, профессорами, преподавателями Якутского государственного университета.

На вечерней встрече с общественностью Якутска, проходившей в здании Русского драматического театра под председательством секретаря городского комитета Е. Качиной, с деловой критикой «Литературной газеты» выступили главный режиссер театра Е. Качинский, наместник треста «Якутстрой» М. Соколин, инспектор горЮНО О. Апопоникин и другие.

— Больше пишете о жизни нашей республики, шире освещаете творчество национальных писателей. Пусть чаще признают и нам из столиц писатели, критики, музыковеды, искусствоведы. Нам очень нужна их помощь, — говорили выступающие в Якутском государственном университете старший преподаватель Г. Кардашеский, доцент У. Протопопова, заведующая кафедрой З. Альбина, студенты М. Протодьяконов, Н. Рыкунов, П. Николаев.

На днях выездная редакция «Литературной газеты» возвратилась из Якутска в Москву.

Ответьте читателям, товарищ министр!

КАЖДЫЙ день сотни писем приходят в редакцию. Тысячи телефонных звонков раздаются на всех этажах и в кабинетах редакционных зданий. Это — Читатель. Он выражает удовлетворение и неудовольствие по поводу прочитанной статьи, жалуется, благодарит, просит совета или помощи. Он требует, просит Читателя. Его интересуют проблемы литературы и индустрии, морали и международной жизни. Пристально следит он за материалами, в которых затрагиваются вопросы здравоохранения, медицины. Это и понятно, ведь речь идет о здоровье человека.

Ваша газета опубликовала однажды статью «Часы и минуты врача?» — Да, мы писали об этом семь лет назад.

— Известно ли редакции, что обилие писанной по-прежнему отнимает у врача множество времени, мешает лечить больных? Знаете? Почему же молчите? Ведь вы — газета!

— Лет восемь назад вы писали о врачах-гомеопатах. Статья называлась, кажется, «Что же такое гомеопатия?» А где же ответ на ваши же заданный вопрос?

Читатель стог. Он не хочет слышать оправданий, когда речь идет о самом дорогом — о жизни и здоровье. Доводя прав, порой, действительно, вынуждены редакция. Она заблуд, а читатели понимают, читатели яблуд, пишут, звонят. Но всегда ли виновата редакция?

НОВАЯ СВЕРДЛОВСКАЯ редакция «Литературной газеты» тов. Иванова.

«В августе 1959 года в «Литературной газете» была напечатана статья про доктора Обельницкого, что он может очень рано распознавать у людей рак. Меня эта статья очень заинтересовала. Но, увы, больше ничего потом по Обельницкому не было. Как же так: дело важное, все волнует, а вы подлога молчите, будто бы воды в рот набрали...»

По форме письмо не очень-то любезное. Но дело не в форме. Читатель Иванов из Свердловска прав.

Почему же действительно, вот уже восемь месяцев «Литературная газета» не возвращается к «делу» Обельницкого?

Литературная газета

2 31 марта 1960 г. № 39

ИСКУССТВО СЛОВА И ПУТИ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

ЛЕТ ДЕСЯТЬ тому назад мы стали свидетелями всеобщего интереса к вопросам языка, которая дала уже немало ценного в трудах деятелей науки. Среди тех ученых, для которых «трагедия фюса» художественной литературы сосредоточилась прежде всего вокруг вопроса языка. В. Виноградов едва ли не самый последовательный, упорный и целеустремленный. Язык стал для него, действительно, фокусом, в котором пересеклись все факторы, творческие в своей совокупности художественное произведение. В прошлом году он выпустил книгу «О языке художественной литературы», которая обобщает его многолетние размышления и наблюдения в этой области и в то же время открывает широко задуманную серию новых исследований. Для тех, кто знаком с прежними работами ученого, не может не броситься в глаза новое в этой книге: автор стремится поставить вопросы языка художественной литературы в связь с ее содержанием, с историческими условиями ее возникновения и развития. Как и следовало ожидать, «первоэлемент» не так прост и при подходе к нему с научной точки зрения требует «расщепления» для познания его сущности. На огромном количестве примеров В. Виноградов делает осязуемым процесс изменения, развития языка русской художественной прозы нового времени, показывает, как язык художественной литературы, пытаясь изродников общенародного языка и преобразовывая его по законам индивидуальной эстетики писателя, помогает формированию литературного языка, составляющего также особую категорию или струю в речевой культуре.

В. Виноградов хочет понять общезаконности развития «первоэлементов» в связи с развитием литературы. И в этом плане книга В. Виноградова резко полемизирует с теми представителями «лингвистической школы» на Западе, которые хотели бы построить изучение языка писателя на основе его «художественности» с иррациональными, если не мистическими, «внутренним жизненным центром».

Охват наблюдений автора этой книги о языке художественной литературы не может не порадовать. В поле его зрения — русская художественная проза не только прошлого, но и современности, периодическая печать, журналы и газеты, мемуарная литература. Всюду, где язык в своем живом росте может совершить неожиданный поворот, раскрыть в своей эстетической функции, ученый настигает его. Рядом с Достоевским и Пришвиным — Н. Шелгунов и К. Станиславский, Вера Инбер и К. Паустовский; рядом с Тургеневым — Вс. Кочетов, Е. Юнг и Н. Помыловский, К. Ваншенкин и А. Вельман, Чехов и А. Копцева.

Среди многих положений в книге Виноградова, которые по праву могут быть названы новаторскими, я хочу особо выделить мысль о том, что развитие реализма предполагает как свою базу создание национального языка.

Слова имеют свою судьбу с не всегда понятными перипетиями изменения значений, — не учитывая этого, нельзя проникнуть в истинный смысл художественного образа.

История русской литературы в своем анализе неоконченной повести Пушкина «Из записок молодого человека» освещали ее как повесть о декабристе, основываясь на революционном толковании слова «родина», записанном в конце ее плана. Между тем слово родина в языке Пушкина не имело того «острого общественно-политического и притом революционного смысла, который был связан со словом отчество» (и отчасти со словом — отчизна).

Ученый ссылается на десятки случаев употребления слова «родина» Пушкиным в стихотворениях и поэмах, во всем том цикле образов, который нашлет себе место в «Истории Сера Гюльхина» и позднее в «Дубровском»; всюду родина понимается как место рождения. Эти примеры настолько достоверны, что гипотеза о революционном замысле неоконченной повести Пушкина рассыпается, как одна из тех иллюзий, которые только могут возникнуть при недостаточном внимании и языку — первоэлементу и материалу художественной литературы. Подобные примеры можно множить и множить.

Книга Виноградова, если позволить себе образное выражение, — Монблан фактов, демонстрирующих положительное значение языка для реализации художественного образа. Иногда, впрочем, прокладывая свою именную тропку к выводу, ученый теряет возможность охватить более широко горизонт своих наблюдений, которые в этом случае приобретают характер эмпирический. Тогда один пример влечет за собой другой и без особой нужды вызывает третий, четвертый, пятый...

С этими недостатками формы изложения мысли можно мириться. Однако в книге В. Виноградова есть недостатки самой мысли. Ученый абсолютно прав, исходя из того, что художественный образ не существует в литературе вне словесной ткани, вне языка. В последнем счете художественный образ существует в языке и через язык. Но именно в последнем счете. Такова диалектика «первоэлементов». У В. Виноградова же язык иногда вытесняет образ. Ученый не сможет до конца понять язык, если органически не утвердится в мысли, что образ и язык — близнецы, один не существует без другого. В данной книге это единство подчас нарушается, ускользает. «Хотя содержание произведения само по себе не является предметом лингвистического изучения», пишет В. Виноградов, — «однако это содержательной структуре произведения и как является из нее». Как это «извлекается»? Язык — это форма бытия художественной мысли. Как можно «извлечь» душу из тела? Что это за «содержание произведения само по себе»?

Пушкин как рисовал картину творчества: «Но лишь божественный глагол до слова чужого коснется, душа поэта встрепенется...» «Глагол», то есть слово или язык, Пушкин употребляет в смысле образа, формы художественного мышления. Что же из чего тут «извлекается»?

В. ПЕРЦОВ

гол, включает «мотор» современного поэта.

«Первой строкой «Переpravы», стройкой, развешенной в ее, так сказать, «действительности», пронизающей всю главу, стало само это слово — переpravа, — рассказывает А. Твардовский, — повторенное в интонации, как бы предающей то, что стоит за этим словом: Переpravа, переpravа...

Я так долго обдумывал, представлял себе во всей натуральности эпизод переpravы, стоившей многих жертв... что вдруг как бы произнес про себя этот вздох-возглас: Переpravа, переpravа...

...вилась строка, без которой уже я не мог обойтись. Я и думать забыл — хорей это или не хорей, потому что ни в каких хорях на свете этой строки не было, а теперь она была и сама определила строй и лад дальнейшей речи».

Постоянно слово «переправ», повторенное в особой интонации, это и есть «божественный глагол», коснувшийся — это следует понимать вполне реально — «духу чужого», или, говоря сухо, язык в его эстетической функции, язык как форма бытия образа.

В книге В. Виноградова особый интерес представляют разборы некоторых произведений русской художественной прозы. Ученый останавливается на таких примерах, которые дают возможность почувствовать индивидуальное своеобразие реалистического метода в творчестве разных писателей. Подходя к этой задаче со стороны языка, он по преимуществу берет те случаи, когда образ героя непосредственно раскрывается в его языке, а не в авторском повествовании или характеристиках. Классическим образцом этого рода прозы является сказ — недаром принципиальное значение для В. Виноградова приобретает разбор «Лешчи».

Здесь, как помнит читатель, сказ в чистом виде со всей той изумительной словесной игрой, которая так восхищала в Лескове А. М. Горького, считавшего вообще, что «разговорную великорусскую речь лучше всех художников знал Лесков». Воспринимается «Лешча», сколько раз бы в его ни перечитывали, с необыкновенной живостью и воспринимается, так сказать, почти под непрерывный внутренний смех, вызываемый не только глубокими комедийными положениями, но и не менее глубокими уморительными «проделками» языка, выражающими характер героя и отношение к нему автора. Чем более уморительны и многозначительны языковые простодушие изъяснения в речи героя-сказчика (под которым, как правильно указывает В. Виноградов, «подложена» система литературного языка), тем более остро переживается то, что это ведь «смех сквозь слезы». Сквозь слезы поражения в Крымской кампании, «А Яковли» или «Лешчи» слова в свое время до государя. — в Крыму на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был». В этом генеральном сказе слышится горькая обидка за русский народ, за несравненного умельца, «подковавшего блоху», которого по возвращении из заграничного турне в Петербург свалили больного в «Обуховскую больницу, где неведомого сословия всех умирать принимают». Увидев «русского камадра» в столь бедственном положении, англичанин, который приехал вместе с ним, победил к графу Клейнмихелю.

«Разве так можно! У него, — говорит, — хоть и шуба овечкина, так душа человеческая».

То, как переналил суффикс иностранец — «душа человеческая», дает краску унижения.

«Душа человеческая» появляется в сказе еще раз в концовке, идущей целиком от автора, где он говорит о том, что машины сравняли теперь неравенство талантов и дарований, таких мастеров, как баснословный Лешча, уже нет в Туле. Но работники с гордостью и любовно вспоминают о прежней старине. И автор заключает сказ последним аккордом: «Этот их эксп. и притом с очень «человеческой душой». Выращивание это поставлено в кавычки, как не свои слова, заставляя вспомнить об англичанине, вновь пережившем горечь языка — первоэлементу и материалу художественной литературы. Подобные примеры можно множить и множить.

Книга Виноградова, если позволить себе образное выражение, — Монблан фактов, демонстрирующих положительное значение языка для реализации художественного образа. Иногда, впрочем, прокладывая свою именную тропку к выводу, ученый теряет возможность охватить более широко горизонт своих наблюдений, которые в этом случае приобретают характер эмпирический. Тогда один пример влечет за собой другой и без особой нужды вызывает третий, четвертый, пятый...

С этими недостатками формы изложения мысли можно мириться. Однако в книге В. Виноградова есть недостатки самой мысли. Ученый абсолютно прав, исходя из того, что художественный образ не существует в литературе вне словесной ткани, вне языка. В последнем счете художественный образ существует в языке и через язык. Но именно в последнем счете. Такова диалектика «первоэлементов». У В. Виноградова же язык иногда вытесняет образ. Ученый не сможет до конца понять язык, если органически не утвердится в мысли, что образ и язык — близнецы, один не существует без другого. В данной книге это единство подчас нарушается, ускользает. «Хотя содержание произведения само по себе не является предметом лингвистического изучения», пишет В. Виноградов, — «однако это содержательной структуре произведения и как является из нее». Как это «извлекается»? Язык — это форма бытия художественной мысли. Как можно «извлечь» душу из тела? Что это за «содержание произведения само по себе»?

Пушкин как рисовал картину творчества: «Но лишь божественный глагол до слова чужого коснется, душа поэта встрепенется...» «Глагол», то есть слово или язык, Пушкин употребляет в смысле образа, формы художественного мышления. Что же из чего тут «извлекается»?

Пушкин указывает именно роль слова как своего рода «контакта» для «зажигания» творческого процесса. Посмотрим, как «божественный глагол»

подражать. Если начать не творчески следовать В. Виноградову, то можно филологией задуть художество. Но так как язык является формой бытия образа и поскольку В. Виноградов, стремясь поставить вопросы языка в связь с содержанием литературы, как никто другой, умеет «вгрызаться» в словесную плоть образа, то он ближе к материалистическому анализу специфики литературы, чем тот, кто, анализируя художественное произведение, рассуждает о гражданских идеях и ограничивается этим. Книга В. Виноградова — большое событие в нашей литературной науке.

В ее развитии есть своя диалектика. Литература — это живое целое, и она должна изучаться как целое. Без гражданского пафоса борьбы с крепостничеством не могли бы быть созданы Тургеневым «Записки охотника».

Труды Тургенева по борьбе с крепостным правом нашли свое выражение в произведениях словесного искусства, живых и сегодня, в период развернутого строительства коммунизма в нашей стране, так же, как в той доформенной России, в которой и против которой они были написаны. И вот это искусство слова, чуждо его бессмертия, нужно уметь понять и объяснить.

Юноша Горынь рассматривал страницы «Простого сердца» Флобера на свет, «чтобы пытать найти между строк разгадку фокуса». Однако фокус — вещь! — был именно в строках, в словах, уложенных в расказ о жизни в языке, представляющей собой форму бытия образа. Фокус был в том, что все, что следовало за строками, за словами, было в них. И поэтому наука об искусстве слова начинается с изучения «первоэлементов» и кончается им. А это значит, что она ни на шаг не может отойти от того, что стоит за ним, от содержания, от художественного мышления, представляющего отражение действительности.

В сокращениях образов художественной литературы, в этой чудесной мир живых идей, ведет только одна дверь — язык. Нужно уметь в нее войти, а не остановиться на пороге.

С ОЗДАВАЯ сегодня счастливая жизнь, советские люди твердо, как никогда твердо, верят в торжество коммунизма, в победу дела мира. Верят потому, что борьбу за эти великие идеалы возглавляет наш родной, мудрый, закаленная в боях Коммунистическая партия.

Н. С. Хрушев на III съезде писателей назвал нас, советских литераторов, верными помощниками партии. Эти слова товарища Хрущева сегодня стали основным критерием в оценке нашей творческой деятельности. В самом деле, вряд ли сегодня можно судить о таланте писателя или художника, композитора или деятеля театра, не определив значения его произведений в нашей общественной жизни. Сила и мощь нашей литературы состояли и состоит в том, что она принимает живое участие в практике коммунистического строительства, оказывая помощь партии и государству в воспитании поколения преданных борцов за коммунизм.

Сколько бы мы сегодня ни говорили о мастерстве и новаторстве, главным для нас, советских художников, было и есть — поиски новых героев, раскрытие благородного облика нашего современника, человека труда.

Следует считать весьма отрядным, что за последние время драматурги значительно больше стали интересоваться человеком, строем его мысли и чувств, научились тонко и глубоко проникать в души изображаемых героев. Выросла и творческая активность драматургов. Театральные афиши пестрят названиями новых спектаклей и именами новых авторов. Советская драматургия в последнее время заметно потеснила зарудную буржуазную мещанскую мелодраму. А это немалая победа!

Однако все это еще не означает, что в драматургии уже произошел крутой поворот к темам современности. К сожалению, приходится констатировать, что драматургический вакуум у нас существует и заполняется порой довольно сомнительными пьесами. где действуют довольно сомнительные герои и не надежные люди, разочарованные в собственных идеалах. Как повято, действующие они в тесных и душных квартирах, где излагают свои довольно пошлые и довольно мещанские идеи.

Это явление не случайного порядка. Скажем прямо, на это нас толкают нередко некоторые наши театральные критики. Более того, кое-кто из них пытается подвести философскую базу. Со страниц журналов «Театр», «Вопросы литературы» и «Литературной газеты» порой раздаются голоса в защиту ущербного человека и ведутся атаки против так называемого идеального положительного героя. Например, критик А. Анастасев, выступая на страницах «Литературной газеты», пишет, что якобы для того, чтобы в драматургии показать образ Валентины Гагановой, ее надо поставить в соответствующие условия, то есть показать, как она разрушала препятствия, боролась с врагами нового. А если ей ничто не мешает, то тогда ее образ якобы не представляет интереса для драматурга.

Модница Фото читателя газеты В. Калининой

ВЫШЛИ В СВЕТ...

Абден. В поисках света. Пакистанская повесть. Для среднего и старшего возраста. Авторизованный перевод с узбекского В. Вадецкого. Рисунки М. Пакисана. Детиз. 168 стр. 50 000 экз. 3 руб. 65 коп.

Арно Ф. Малыши. Стихи для самых маленьких. Перевод с эстонского В. Мортугалова. Иллюстратор Н. Стаевич. Магданский книжное издательство. 12 стр. 10 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Воронцова Л. Детство на окраине. Повесть. Для среднего возраста. Рисунки В. Макеева. Детиз. 302 стр. 90 000 экз. 5 руб. 75 коп.

Димал С. Темнокожий мальчик в поисках счастья. Повесть. Ваг. Детизнацпед. 319 стр. 10 000 экз. 7 руб. 30 коп.

Кармен Р. По Индии. Для среднего возраста. Детиз. 127 стр. 30 000 экз. 7 руб. 85 коп.

Лавринович В. Паль Золотая. Повесть. Рисунки И. Сушено. Детиз. 286 стр. (Библиотечка приключений и научной фантастики). 100 000 экз. 6 руб. 95 коп.

Славинский А. Детство Пушкина. Повесть. Для старшего возраста. Рисунки В. Декстера. Детиз. 63 стр. 90 000 экз. 85 коп.

Три апельсина. Итальянские народные сказки. Перевод итальянского Ю. Ильина и Э. Козановой. Пересказали для детей Н. Гессе и З. Заудачкина. Для младшего и среднего возраста. Рисунки Т. Шинмарен. Детиз. 224 стр. 215 000 экз. 4 руб. 90 коп.

ЖИЗНЬ ПОДСКАЗЫВАЕТ

«Ближайшая крупная задача советского литературоведения — создание большой истории советской литературы. Не только русской, но единой многонациональной литературы социалистического реализма. ...Готово ли наше литературоведение к решению такой большой задачи? Да, готово. Выросли кадры, накоплен необходимый опыт при создании очерков истории отдельных национальных литератур».

Эти слова взяты нами из статьи К. Зелинского «Социалистическое литературоведение», опубликованной недавно в газете «Правда». Слова справедливые, вопрос поднят очень важный и актуальный. Нам хотелось бы в связи с этим обратиться к вниманию и на другую сторону дела — также, на наш взгляд, очень важную, также требующую неотложных мер. Создание общей истории многонациональной советской литературы должно не только поднять уровень нашей литературоведческой науки, но и помочь приобрести всевозможные читательские массы к художественным богатствам, накопленным нашими литературными. Накопленным и все время накапливаемым — ведь литературы всех наших республик бурно развивается, все больше и больше появляется книг в переводе на русский язык. А тем, не менее повседневное изучение и обогащение этого живого процесса продолжает страдать существенными недостатками.

Заслуживает внимания и поддержки растущий интерес русских критиков к книгам писателей из братских республик; разумеется, хорошее дело делают те республиканские журналы и газеты, которые предоставляют свои страницы для публикации произведений братских литератур. И, однако, эта перестройка нашей повседневной критической и литературоведческой работы идет еще очень медленно. По-прежнему выглядят приятным исключением обобщающие статьи, основанные на «примерах» не только одной «своей» литературы, но захватывающие широкий круг рационального художественного материала.

А взять количество учебных часов. Каким образом существует здесь! 130 часов — в Вильнюсском университете, 60—80 — в Киваском и т. д. А в Азербайджанском университете два года назад было 136 часов, в прошлом году — 104, теперь — 92. Чем объяснить эту плачевную картину? В Казахском университете на казахском отделении братским литературам отводится 64 часа. Но так значит только в расписании. На самом деле из 64 часов, заполнены лишь 30, так как по неравномерности распределения на специальности. Университеты у нас — учреждения государственные, и какое-то единообразие в программах, часах, рекомендательных списках литературы, — конечно, с учетом местных условий — должно, по нашему мнению, быть.

Сейчас курсы читаются в зависимости от симпатий и знаний того или иного преподавателя. Редки еще дипломы и диссертации по проблемам братских литератур.

Нельзя сказать, что в университетах не делается ничего. Нет, делается много. Заслуживает поддержки опыт кафедры литературы народов СССР МГУ. Есть немало добросовестных энтузиастов среди преподавателей, которые координируют их усилия. Нужно, чтобы Министерство высшего и среднего специального образования СССР.

Не выяснены принципы методологические: как преподавать братские литературы — давать ли студентам общее представление о всем многонациональном литературном процессе или более углубленно знакомить только с литературными «примерами»? Один университетский преподаватель другого принципа, другое мнение. Иногда один преподаватель делает одно, другой — настаивает на своем. Так происходит, например, в Ленинградском университете. Разнобой — это разноречие, а не плодотворная самостоятельность!

Тогда, видимо, новую статью можно будет называть: «Жизнь подсказала».

С ЧЕМ НЕЛЬЗЯ СОГЛАСИТЬСЯ

И. КУПРИАНОВ

лов, развитие и углубление славных традиций, создание образов положительных героев, показавших их дел и свершений. В этом смысле не является справедливым утверждение молодого театрального критика И. Вишневого в его статье «Итоги драматургического года» («Вопросы литературы», № 2), в которой она пытается оспорить, поставить под сомнение необходимость существования в нашей драматургии главного направления. Вряд ли мы можем ставить на одну доску по идейно-художественным качествам, по силе воспитательного воздействия такие произведения, как «Стрелуха», «Иркутская история», «Тревожная ночь», «Начало жизни» и «Взломщики тишины».

Приходится удивляться, с какой легкостью В. Плучек на страницах «Литературной газеты» зачисляет, например, кое-кого из драматургов с их проповедью маленького героя-мещанина в последователи Чехова.

Очевидно, не случайно В. Плучек заявляет, что опыты итальянских неореалистов вызывают живой интерес во всем мире, и тут же говорит о театре «Современники». Неореалисты имели свои радости и поражения. Но мы не можем не видеть ограниченность неореализма, его narrowly натуралистическое отображение жизни, а его маленькие герои не могут для нас служить примером. И сегодня следует скорей беспокоиться о судьбе молодого коллектива «Современники», нежели ставить его в пример.

Социалистический реализм, как известно, предполагает объединение людей различных творческих жанров и индивидуальных на основе высокой коммунистической идейности. Естественно, наша литература, создавая сильные и яркие характеры современников, не может не писать и о «маленьких» людях, но не они являются подлинными творцами истории. И вряд ли мы были бы правы, если бы чрезмерно увлеклись изображением «маленьких» людей. Допустить такое — значит увести нашу драматургию от ее важнейших задач.

Кое-что из драматургов сегодня активно ратует за то, чтобы наша драматургия стала общечеловеческой, имея в виду, чтобы наши пьесы ставились и в Западной Европе, и в Америке. Идея хороша, но разве в наших сегодняшних пьесах нет общечеловеческих мотивов? Давайте перечитаем пьесы Подогина, Леонова, Корнейчука, Софронова, Арбузова, Милвина, Чепурнина, Д. Зорина, Вирты, Шейнина, Розова, Сальникова, Симчука, Лавричева, Солдара, Макляковского и многих других. Нет, дело тут не в общечеловеческих мотивах. Они бесспорно есть. Но чем же тогда можно объяснить то, что наши пьесы сегодня редко ставятся в буржуазных странах? Видимо, тем, что вершит судьбы театров в этих странах, требуются иные пьесы. Но мы не пойдем ни на какие идейные уступки ради сомнительной популярности.

Сегодня активно обсуждаются вопросы мастерства и новаторства в драматургии и театре, но многие из выступающих почему-то обходят молчанием самое главное: как воплотить героя наших дней; всколыхнуть и о вопроясах идейности в нашем искусстве. Но как можно серьезно говорить о мастерстве в отрыве от идейности содержания? Мастерство, насколько нам известно, никогда не было самоцелью для драматургов. Мастерство необходимо

для того, чтобы ярче и лучше выразить идеи и художественных образов.

То же самое можно сказать и о новаторстве. Разве можно говорить о новаторстве драматургов в отрыве от идей, заложенных в пьесах? Ведь форма же определяет суть новаторства.

К сожалению, эта взбучная истина стала почему-то забываться отдельными товарищами по искусству. Именно потому, что мы новаторство часто видим в поисках формы, мы несомненно, неправомерно много уделяем внимания, например, молодым, весьма интеллигентным и способным режиссерам тт. Эфросу, Львову-Анохину и Ефремову и начисто забываем порою о других новаторах в сценическом искусстве, интуитивных средствах выражения мысли и чувств наших современников: о Плотникове и Васильеве, о Власове и Майорове, о Комиссаржевском и Бабочкине, о Яншине и Туманове и многих других режиссерах.

Сегодня мы должны твердо сказать, что нам не нужны обоймы ни в драматургии, ни в театре, ни в театральной критике. Не нужны потому, что они не способствуют консолидации творческих работников на принципиальной основе.

Среди некоторой части литераторов идет оживленный спор о том, каким должен быть положительный герой. В этом споре принимаю участие не только театральные критики, но и некоторые драматурги.

«Не забудем и того, что Чехов крайне деятелен и никогда не подменял живое действие героев правилами и образцами хорошего поведения», — пишет А. Арбузов в журнале «Театр», № 1 за 1960 год, — он уважал человека и в воле не тронувшись развивать в нем инстинкт подражания».

Мы думаем, чтобы это утверждение было правильным и что оно целиком применимо к нашей театральной критике, оно соотнесено с основными идейно-воспитательными тенденциями нашей литературы.

Не так давно на страницах «Литературной газеты» по этому вопросу высказался А. Сальников. В статье «Человек на сцене» он говорит: «Я не мыслю себе героя, совершенно идеального, без сучка и задоринки. Даже самый чистый, самый мужественный человек бывает не свободен от каких-то, хотя бы самых малых недостатков».

Тов. Вишнева в журнале «Вопросы литературы», № 2, дает чрезмерно хвалебную оценку этому произведению.

В этой оценке И. Вишневого допущены не только передежки, но и вымысел. Да, в характере Дронова имеется ряд положительных черт. Он обаятелен, неумолим как труженик, горяч. Однако центральным ли человеком он предстает перед нами?

Наше представление о Дронове как о положительном характере нашего современника рушится в сцене философского поединка с попом Серафимом.

Академик Дронов не находит нужных слов, достаточно веских аргументов, чтобы дать бой, развенчать измышления человека в расе, Дронов ушел в кулаки. Что же осталось от Дронова? Симпатичный, обаятельный человек, и только? Думаем, что одного этого маловато, чтобы получить право называться передовым человеком нашего века. В самом деле, Дронов — боец за свои материалистические убеждения не получил. Дронов — крупный ученый не всегда убеждает.

В центр пьесы, как известно, автор ставит один вопрос: кто будет продолжать дело Дронова после его смерти? Вопрос серьезный. Вопрос о преемственности поколений. И что же мы узнаем? Ведь предавать-то эстафету Дронову некому. Да и выбрать ему не из кого наследников. Хороших производственников, знающих свое дело, самостоятельного мыслителя, о которых красноречиво пишет Вишнева, в пьесе не существует. Их Вишнева придумала, желая подвести базис под свою «концепцию». Ученики Дронова выглядят весьма неприглядно. Им действительно нельзя вручать факел советской науки. Один из них — карьерист, другой — малодушный интеллигент, третий — в душевных смятениях, и поэтому мы ей не очень доверяем...

Вот к чему приводит сомнительная теория о человеке с сучками и задоринками. Интересный замысел автора оказался не реализованным, а главный герой — дискредитированным.

Нет, не сучки и задоринки определяют характер нашего современника. Пусть не поймут меня, что я за лакировку и приукрашивание нашей жизни и наших героев. Нет, дорогие товарищи! Я — за создание нетронутого героя наших дней. И это дело не такое уж легкое. Мне думается, у нас успех в этом будет только тогда, когда мы отрешимся от недоверия к нашему современнику, когда мы будем ориентироваться на сильные стороны человеческого характера, на те, что составляют главное в человеке.

Положительный герой не может жить в отрыве от производственной и общественной жизни, от борьбы. Мне невидны «человек ин или «молчун», какой-то цвета абжур на его настольной лампе, но я хочу, чтобы он меня увлекал, убеждал, чтобы его борьба стала и моей борьбой, чтобы его идеи стали и моими идеями, чтобы от встречи с ним я чувствовал себя сильнее и богаче духовно.

ЧИТАЯ И СЛУШАЯ Н. С. ХРУЩЕВА...

Во Франции Никита Сергеевич Хрущев завоевал широкую популярность, между прочим, своей ловкостью в поговорках. Первая поговорка, которую он применил у нас, была французской. «Хотеть — значит мочь», — сказал он генералу де Голлю, когда зашла речь о возможности личной дружбы и сотрудничества между нашими странами. Этот маленький штрих отражает бережное отношение Н. С. Хрущева к образу мысли и традициям страны, пригласившей его.

Но не только и не столько это — главное. Открытость, прямота — черты, которые больше всего импонируют французам в Н. С. Хрущеве. И когда он говорит о коммунизме, о своей вере в победу коммунизма в СССР и во всем мире, то это делается во имя открытости. «Я говорил то, что думаю, ваше дело сделать выводы», — замечает он. Он ведет официальные беседы с генералом де Голлем, но это не мешает ему обнимать и целовать в глаза у всех Мориса Тореза в квартире Ленина, на улице Мари-Роз. Французы говорят: да, это не двукликий человек. Этот человек искренен, честен. Можно не разделять всех его взглядов, но не верить ему нельзя.

Он открытен и при обсуждении международных проблем, в частности германской проблемы. С первого же своего выступления на аэродроме Орли Н. С. Хрущев подчеркивает важность германской проблемы. Когда он в обзорной форме говорит о необходимости разминировать мир после войны, каждому было ясно, что он имел в виду прежде всего Берлин. Открытость Н. С. Хрущева проявилась еще более ясно в ратуше. Ранее генерал де Голь сказал, что германский милитаризм отказался теперь от бывших непомерных притязаний. Отказался? Никита Сергеевич Хрущев заявил: «Не скрою, у нас вызывает тревогу терпимое отношение к поднимающему голову германскому милитаризму, а тем более к его особому отношению к нам. Попытки доказать, что это не тот милитаризм, что был раньше, и что его нет оснований опасаться, нельзя принимать всерьез». Но что особенно трогает французов — это его неизменное уважение к различиям во взглядах и государственном строе, забота о национальных интересах Франции.

И все прекрасно понимают, что это не тактический прием, связанный лишь с его пребыванием во Франции; все чувствуют, что его предложения действительны.

Высшая иерархия французской католической церкви запретила мазу Джиона католику Киру принять Н. С. Хрущева.

(Из газет)

В Высшей иерархии французской католической церкви запретила мазу Джиона католику Киру принять Н. С. Хрущева.

(Из газет)

Высшая иерархия французской католической церкви запретила мазу Джиона католику Киру принять Н. С. Хрущева.

(Из газет)

ВЕСЕННИЕ МОДЫ

— Я выбираю модель «Голубь мира!» Рисунки Камба

Доброе семья даст добрые всходы

Андре СТИЛЬ

Советскому Союзу страшна угроза германского милитаризма; он отмечает, что агрессивные силы Западной Германии в конце концов будут искать какого-то выхода за счет Запады, за счет Франции.

Чрезвычайно красноречив в этом смысле горячие аллюзии, которыми было встречено его напоминание о том волнующем и поучительном факте, что гитлеровские дивизии, оккупировавшие Париж в июне 1940 года, нашли в 1943 году свою гибель у стен Сталинграда.

Говоря о нескольких замедленных темпах развития франко-советских торговых отношений и упоминая в связи с этим о ФРГ, Н. С. Хрущев сумел затронуть чувствительную струну в сердцах деятелей французской экономики, заметив, что у страны, столь усиленно ухаживающей за Францией, то есть у Западной Германии, — довольно широкие торговые отношения с СССР.

При этом Н. С. Хрущев подчеркнул, что франко-советское сближение отнюдь не направлено к отрыву Франции от ее союзников. Перефразируя другую французскую поговорку «Друзья наших друзей — наши друзья», Н. С. Хрущев сказал: «И мы хотели бы, чтобы друзья Франции стали нашими друзьями». А ведь язык поговорок — это язык сердца.

Н. С. Хрущев ежесекундно доказывает, что он знает и понимает Францию, знает и понимает даже ту ее часть, которая наиболее далека от его собственного мировоззрения. Но лучше всего понимает он, разумеется, Францию народа, Францию, верную своим традициям великой прогрессивной страны.

Бесспорно, визит Хрущева оставит у нас неизгладимый след. Влияние его окажется глубже, чем сейчас можно даже предполагать. В частности, трудно переоценить тот отклик, который встречают в нашем народе слова Хрущева о франко-советской дружбе, о том, что у этой дружбы глубокие и старые корни.

Страна Декрета, страна художников и жизнеутверждающего искусства, страны полная открытости и взаимопонимания, а не изолированности и таинственности дипломатической возни. Вот почему всем ясно, что визит Н. С. Хрущева увенчается полным успехом. И если последовать его примеру и обратиться к поговоркам, то можно предсказать: «Доброе семья даст добрые всходы».

ПАРИЖ (по телеграфу)

ЖИВОЙ СИМВОЛ

ВСТРЕЧА в ратуше Марселя высокого советского гостя, мэра города — г-н Деффер

сказал хорошую речь. С истинно французской галантною он, в частности, отдал должное личным качествам Никиты Сергеевича — его жизнерадостности, уму.

— Мы слышали об этом, — сказал г-н Деффер, обращаясь к Н. С. Хрущеву, — но теперь сами убедились в этих качествах, и мы констатируем, что у Вас есть юные черты, я бы сказал, марсельские.

Как сказано в газетном отчете, слова мэра вызвали среди присутствующих веселое оживление.

Мы здесь в Марселе целиком разделяем это веселое марсельское оживление. В силу самого факта нашего территориально-географического состояния советские люди гораздо раньше, чем мэра Марселя, убедились в том, что остротное, оптимистичное и живой юмор представляют собой неотъемлемые черты характера Никиты Сергеевича Хрущева.

Но нам приятно, что высокая человечность и его мудрый юмор.

Тем более, что этот особый, хрущевский юмор так блистательно проявился в конце встреч в марсельской ратуше.

Н. С. Хрущев. Давайте договоримся дружить и не вмешиваться в дела друг друга. Я приехал сюда не для того, чтобы сделать из Вас коммуниста, и думаю, что Вы не ожидаете, что я уеду из Франции не коммунистом.

Мэр. Не буду Вас разочаровывать, но я не думаю, что Вы убедите меня стать коммунистом.

Н. С. Хрущев. Но я даже не думаю Вас убеждать, зачем убеждать человека, который так настроен против коммунизма. Надо терпеливо ждать. У нас говорят — каждый овощ созревает в свое время.

Н. С. Хрущев. Но я даже не думаю Вас убеждать, зачем убеждать человека, который так настроен против коммунизма. Надо терпеливо ждать. У нас говорят — каждый овощ созревает в свое время.

Человечество коммунизма за них!

Мне эта маленькая сценка, исполненная глубокого смысла, представляется живым символом мирного сосуществования.

Ведь мирное сосуществование двух различных социально-экономических систем вовсе не означает, что должна произойти какая-то «апиритика», какое-то «глаживание» и «перестраивание», что должны последовать какие-то идеальные «уступки» с той или иной стороны.

Нет! Капитализм — это капитализм, а коммунизм — это коммунизм. И в идеальном отношении они непримиримы.

Н. С. Хрущев на Западе называют «коммунистом № 1». Господин Деффер — далеко не коммунист... не знаю, право, какой порядковый номер может быть ему присвоен. Но разве от этого пострадала дружеская атмосфера марсельской встречи?

Наш идейный спор с капитализмом решит не оружие, — мы обладаем в полной мере, в мировом развитии жизни. Мы убеждены, что жизнь проголосует за коммунизм. И, с этой точки зрения, в конце концов неизбежно — созреет господин Деффер или не созреет. Дружба между французским и советским народами, взаимно выгодную торговлю, культурный обмен он может посылить развиваться в любом виде — в зрелом и незрелом.

Я уверен, что сотни тысяч марсельцев поддержат в этом своем мэра. Ведь они хорошо знают, что такое война! Им она не нужна. И уж во всяком случае она не нужна марсельцу Жерару Сиготу. Он пока еще не разоблачил в своих идейных взглядах. Он не за капитализм. Но и не за коммунизм. Он за солнышко, за хорошую погоду, за цветы. И еще за конфетку. Ему — четыре года. И он тоже вместе со своей мамой приветствовал в Марселе Н. С. Хрущева.

Жерар Сигот и другие дети должны расти и играть под мирным солнцем и на мирной земле.

Человечество коммунизма за них!

Человечество коммунизма за них!

Ральф Фокс

В ЧЕРА ему исполнилось бы шестьдесят, но уже двадцать три года, как его нет с нами.

Мы можем так говорить: «с нами». Ральф Фокс был другом нашей страны, прожил в Москве несколько лет, люди, с которыми он дружил и работал, и сейчас ходят по московским улицам. В этот день многие вспоминают Фокса. Перед ним снова встанет живой образ этого молодого англичанина, обаятельного, энергичного, слезящего, чьи глаза смотрели так вдумчиво и серьезно, а русский язык оставался желать много лучшего.

Он родился в Галифаксе (Средняя Англия), в семье директора котельной фабрики, учился в Оксфорде, потом поехал в революционную Россию с кавалерской экспедицией помощи голодающим Поволжья. Ему хотелось увидеть жизнь, и увидев ее такой, какова она есть. Он, как все юноши, искал свой путь в жизни, но это значило для него прежде всего понять, каким путем идет мир. Поэтому и свой путь он нашел так рано и так правильно.

Он столкнулся в России с трудными буднями революции. Он не присутствовал при том, как раздался выстрел «Авроры» и распалась дверь Зимнего. Он не был в Москве при взятии Кремля и штурме Ледортовых казарм. За пашами Фокса не было богатого жизненного опыта, который делает для людей неужем романтический флер. Но духовным его достижениям была большая честность, юношески страстный порыв, ясность зрения, желание служить людям. Он думал не о том, что ему даст жизнь, а о том, что он даст жизни. Люди, которые с этим приходят в революцию, остаются в ней до конца.

О России, какой он увидел ее в 1920 году, он написал роман «Штурм неба» (1928), о предпринятой им поездке по странам Востока — книгу очерков «Народы степей» (1925), а незадолго перед смертью закончил первую часть замечательного большого романа о судьбе своего поколения («Такова была их юность», 1937). Исторические работы Фокса охватывают огромную сферу исследования. Здесь и беллетризованный очерк «Чингисхан», и работа «Колониальная политика британского империализма» (1933), и книга «Маркс, Энгельс и Ленин об Ираке» (1936), и фундаментальный труд «Классовая борьба в британской империализме» (1934).

Фокс не «наблюдая» жизнь, а был участником событий, но тем более его интерес к жизни был писательским интересом — интересом человека, стремящегося познать и запечатлеть действительность во всех ее проявлениях — общих и частных. Его книгу о литературе — «Роман и народ» (1937) — при всей ее теоретичности никак не назовешь скучным словом «критик». Нет, она написана человеком, видящим и прозаическими литературными, что помогает или мешает понять правду жизни, помогает или мешает пережить ее. Это страстная книга — Фокс не умеет писать без страсти о литературе, деле его собственной жизни. Это глубоко человеческая книга — Фокс не мог представить себя, как иначе писать о литературе, темой которой является человек. Это глубоко правдивая книга — Фокс знал, что искусство не терпит лжи. Он и сам в своих построениях был до конца честен и, когда не умел решить какой-нибудь вопрос, оставлял его открытым, а не прибегал к натяжкам и умозаключениям.

Фокс начал работать над своей книгой тогда, когда марксистское литературоведение только освобождалось от пут вульгарного социализма. Когда-то он и сам не был свободен от влияния этого метода. Но тем решительнее выступает он теперь за подлинно марксистский научный метод в оценке явлений литературы.

Слова «роман и народ» — это творческая декларация Фокса. Подлинное искусство, говорит он, всегда народно и в самом высоком смысле этого слова.

В этой книге, названной двадцать четыре года тому назад, Фокс прозорливо избегал опасностей, которой еще не раз удавалось подкрепить литературоведов и критиков. Фокс далек от того неидеализированного понимания «народности», которое хот и спасало иные работы от вульгарной социологии, но и лишило их нужного историзма. Позиция прогрессивного искусства, как доказывает Фокс, всегда состояла и состоит в знании всей правды жизни, в поддержке ее лучших тенденций.

Роман, по Фоксу, — это наиболее совершенный инструмент художественного познания мира. Он способен охватывать жизнь в любых масштабах и «тайно» делать явным, — проникать в самые глубины человеческой души. Роман изображает общество через человека, а человека — через общество. Те произведения искусства, в которых обе эти стороны достигли высокого совершенства, принадлежат к числу величайших созданий художественного гения.

Фокс вызывает нас бой десятилетий, утверждая, что традиционный роман имеет свой век и должен уступить место субъективному картинкам жизни. Фокс полагает, что в подобных экспериментах — но обновление, а смерть романа, ибо закон этого жанра — в единстве субъективной и объективной его сторон.

Роман берет в себя опыт истории и поэтому непрерывно обновляет не только содержание свое, но и форму — однако лишь в пределах законов жанра.

Будущее романа выростает из самых его корней. Роман — это эпох нового времени. Он требует эпического охвата событий и героя, через которого художник способен раскрыть эпоху.

В заключительных главах своей книги Фокс создает своеобразный прототип романа о нашей эпохе. Героем своим антифашист Фокс избрал Георгия Дмитрова.

Книгу «Роман и народ» Фокс не успел подготовить к печати. В Испании началась первая вооруженная схватка с фашизмом, и Фокс поспешил туда, куда призвала его долг коммуниста. До того он боролся с фашизмом оружием печатного слова — теперь пришла пора взять в руки винтовку. Он умер, как жил, — поднимая людей в атаку. В январе 1937 года политический комиссар англо-иракского батальона Интернациональной бригады Ральф Фокс погиб в бою близ Кордовы. После его смерти газета «Дейл Уоркер» издавала помощь испанскому народу имени Ральфа Фокса. Товарищи Фокса по литературной и партийной работе издали книгу его статей, отрывков из его произведений и воспоминаний о нем. Книга называлась «Писатель-борец».

Вчера ему исполнилось бы шестьдесят, но в это трудно поверить. Фокс навсегда останется для нас символом непримиримой, дерзкой, побеждающей юности.

Р. ПОМЕРАНЦЕВА, Ю. КАГАРИЦКИЙ

А. БЕЛЬСКАЯ

ВОКРУГ РАБОТЫ КОМИТЕТА ДЕСЯТИ

Прошли две недели с тех пор, как в Женевском Дворце Наций начал работу Комитет десяти, призванный наметить практические пути для всеобщего и полного разоружения. Для этого необходимо было согласовать за это время? Удалось ли сблизить точки зрения Востока и Запада? Эти волнующие вопросы задают люди во всех странах.

На рассмотрение Комитета внесен план западных держав. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» приводит эпизод, который довольно точно определяет характер этого плана. «В Париже послан одной из западных стран сказал: — Я три раза прочитал западный план разоружения и сейчас, мне кажется, понимаю его. В Женеве западный специалист по вопросам разоружения сказал: — Все три раза? Этот человек, должен быть, гений... Западный план разоружения и контроля по стадиям — сложный документ», — пишет корреспондент.

Действительно, программа поэтапного разоружения и контроля наместника Западу, необычайно сложна и громоздка. Можно понять корреспондента «Нью-Йорк таймс», который сетует что «все находящиеся здесь западные специалисты по пропаганде понимают, что, кроме дипломатов и журналистов, немногие захотят тратить время на ее изучение». Он призывает: «вы представьте зала совещания советская сторона может гораздо более непосредственно взаимодействовать на чувства своего прямолинейным планом разоружения за четыре года».

Но дело, конечно, не в «сложности» западного плана и «прямолинейности» советских предложений, а в самом существе, в коренном различии целей, которые преследует каждая из сторон — Восток и Запад. Нарочитая сложность призвана завуалировать, скрыть от общественности главное: западные державы не наметили в своем плане практических мер по всеобщему и полному разоружению. Они пытаются гальвани-

зировать свои давнишние планы контроля над вооружениями еще до начала самой первой стадии разоружения. Незаметным сокращением вооруженных сил, и то не для всех великих держав, а лишь для США и Советского Союза, они хотят подменить очень ясные и конкретные советские предложения, предусматривающие немедленные меры уже на первых этапах общего плана разоружения. При этом западные державы не прочь извлечь военные выгоды из сбора сведений о расположении площадок для запуска ракет, о месте производства этих видов оружия.

Ясные, честные цели легко защищать. Их не надо утаивать. И не случайно представителям Советского Союза и других социалистических стран проведя за две недели в Женеве пять пресс-конференций, сумев, как свидетельствует та же «Нью-Йорк таймс», изложить свою точку зрения, обойдясь «без анонимности и туманных ссылок». «Значение этого заключается», — подчеркивает газета, — в том, что советская делегация готова разговаривать непосредственно с миллионами людей, находящихся за пределами зала совещания».

И разве не показательным, что делегация пяти капиталистических стран в Женеве ни разу не устроила пресс-конференции, действуя в обстановке секретности? Уклонился от прямого ответа на вопрос главы советской делегации, — готовы ли США приступить к разработке договора, включающего конкретные меры по разоружению и контролю, или хотя бы на первых порах разработать основные положения договора — глава американской делегации.

Характерно следующее: в последнее время некоторые органы американской печати явно выполняли волю крупных монополий, утверждая, что нечего рассчитывать на полное разоружение. Эта цель, по их словам, нереальна. Другие умалчивают о глав-

ном различии, существующем между предложениями Востока и Запада, и сводят все дело к некоему «пропагандистскому поединку», который будто бы развернется в Женеве.

Миллионы людей пристально следят за работой Комитета десяти в Женеве. План, предложенный западными державами, вызывает искреннее разочарование тех, кто действительно хочет разрешения проблемы разоружения.

Глава советской делегации в Комитете десяти В. А. Зорин подчеркнул в своем ответе на вопрос корреспондента газеты «Нейс Дейтайд» о ходе женевских переговоров, что в последние дни «некоторые делегаты западных держав в своих выступлениях приступили к обсуждению основных вопросов советского предложения и высказали некоторые свои соображения. Хотя подобные высказывания являются лишь первым шагом в этом направлении, мы надеемся, что они получат дальнейшее развитие. Мы будем приветствовать соответствующие выступления и других западных делегаций, которые еще продолжат пока что отлаживаться на заседаниях Комитета десяти».

Впереди — серьезные, ответственные переговоры. И основные усилия должны быть направлены к тому, чтобы найти путь для сближения точек зрения, способствовать выработке согласованных решений. Советский Союз делает со своей стороны все возможное, считая, что обстоятельство для соглашения сейчас более благоприятно, чем когда бы то ни было. Важно, чтобы западные державы захотели использовать все преимуществы, связанные с ослаблением международной напряженности, с устранением взаимного недоверия.

Этого ждут народы. В этом — главная задача.

А. БЕЛЬСКАЯ

В МАРОККО

Ирина ЛЕВЧЕНКО

Мы ПРИБЫЛИ в Марокко в дни, когда страны газет и журналов всего мира были заполнены фотографиями и репортажами из Агадир, расположенного на юго-западе страны, где Атласские горы вплотную подходят к океану.

Землетрясение большой силы полностью разрушило один из древнейших и красивейших марокканских городов. Это случилось в ночь на 1 марта. Двенадцать секунд ночного бедствия — двенадцать тысяч погибших. И, как выяснилось, два села в Атласских горах полностью исчезли с лица земли.

Советский Красный Крест немедленно послал помощь пострадавшим. Оказали помощь жертвам землетрясения и другие страны.

Марокканцы очень скупо говорят об Агадире. Писатель и философ Мохамед Азиз Лихабани сказал нам: «Наша страна перенесла большое горе. А у меня в семье появился новый ребенок — я взял сироту из Агадир».

Многие западные журналисты, устремившиеся в Агадир, рассматривают народное бедствие главным образом как сенсацию, на которой можно заработать. Репортер, встретившийся нам на дорогах Марокко, — он приехал с опозданием, в районе землетрясения установлен карантин, в город входить нельзя, — так и признался: «Пропал хороший бизнес, в Агадире побывать не удалось».

Но не только разбитые репортеры пытаются делать бизнес на трагедии марокканского народа. Некоторые западные газеты усматривают в агадирском землетрясении доказательство необходимости существования иностранных военных баз в Марокко. Разве не солдаты американской военной базы, пишут они, оказывали помощь жертвам землетрясения? Но народ Марокко не так-то легко одурачить. Он понимает, что иностранные базы — это ненормальность в жизни страны. Отношения между государствами должны строиться на совсем иных началах — мирных. Марокканцы говорят Америке: «Вы хотите быть друзьями Марокко или друзьями баз?»

В КАСАБЛАНКЕ — крупнейшем торговом центре Северной Африки — на углах улиц обращают на себя внимание дощечки с названиями. Старые, французские на-

из ПУТЕВОГО БЛОКНОТА

вания крест-накрест перечеркнуты красной краской, а сверху приложено новое, арабское название улицы.

Показывая нам свою страну, марокканцы говорят: «Мы совсем недавно освободились от протектората. Очень трудно начинать новую жизнь». Как большое внимание уделяется полдому образованию и культуре. Строятся школы. Правда, пока что дети рабочих и крестьян почти не могут их посещать. Школы бесплатные, но учебные пособия очень дороги, да и в семьях нужны работники.

Марокко остро нуждается в культурных кадрах. Прежде всего не хватает врачей. Решено всех студентов, обучающихся за границей, по возвращении домой в течение года обучать медицине, вне зависимости от того, какую они уже приобрели специальность.

В Рабате воздвигается здание национального театра. Труппы для него еще нет. Но имеются сложившиеся самостоятельные коллективы, которые постепенно перерастают в профессиональные. Как рассказал нам режиссер и руководитель киноцентра Бен Химми, национальная кинематография пока выпускает хроникальные фильмы — нечто вроде наших «Новостей дня», но в ближайшее время марокканские деятели кино приступят к созданию художественных картин на исторические сюжеты.

Наша туристская группа в Марокко — первая из Советского Союза (здесь мы проедем в Гвинейскую Республику). Вероятно, этим «первенством» и вызвано то особое внимание, каким мы окружены здесь. Советских туристов принял ректор Рабагского университета; он долго беседовал с московскими научными работниками о проблемах культурного обмена.

Окруженные толпами черноглазых пытливых и приветливых мальчишек, мы ходим по улицам марокканской столицы. Из уст в уста передается:

«Рус, совет!». Действительно, очень мало советских людей побывало в Марокко. Прилетели в прошлом году первые ласточки — наши спортсмены для участия в парусных гонках. К сожалению, их команда не удалось выступить «в полной форме» — их парусники, прибывшие на иностранном судне, не были слущены на берег: из-за религиозного праздника команда не работала. Марокканцы любознательно представляли свои яхты советским спортсменам, но это все равно что предложить скрипку играть не на своем инструменте...

ПРОЕХАВ по широким улицам Рабата с магазинами и кафе, высокими домами самой современной архитектуры и вереницами машин новейших моделей, мы попадаем в живописный и древний мир: на площади перед королевским дворцом на белых арабских скакунах выстроилась гвардия в красных камзолах и пестрых тюрбанах, с саблями и пиками.

Ожидая выезда короля в мечеть, у дворцовых стен собралась толпа народа. Правительственные чиновники подбежали сюда на длинных, словно крылатых автомобилях. Из дворцовых ворот вышли вереницы служителей в белых одеждах и красных фесах. Затем вывели оседланных скакунов, а вслед за ними под крики толпы в золоченой карете, запряженной шугом, выехал король.

Сказу прямо, все это было несколько неожиданным. Ведь лишь позавчера мы прощались с Москвой, а вчера здоровались с Парижем.

Король дал аудиенцию группе советских журналистов и писателей — участников туристской поездки. Мы прошли во дворец, на куполообразную площадку, где развевается государственный флаг Марокко — красное полотнище с зеленой звездой в центре. Рядом с флагом телевизионная антенна. (Телевещание, между прочим, сейчас не действует. После провозглашения независимости идет спор между правительством и иностранными фирмами, владеющими своим капиталом в этом предприятии.) Нам провели через внутренние дворы, охраняемые стариками в красных фесах и белых одежках.

Король Мохаммед V сидел в небольшом зале, который скорее можно назвать комнатой, в кресле, обитом палевым плюшем. Рядом с ним — столик с двумя белыми телефонами. Король — в длинном одеянии, в каком обычно ходит арабы, но с галстуком, в темных защитных очках и светлой феске.

Король поднялся нам навстречу, снял очки и, перебирая четки, обратился к нам на арабском языке. Он приветствовал первых советских туристов на марокканской земле, выражал надежду, что в дальнейшем все больше советских людей будет посещать Марокко.

Пожелав счастливого пути в Гвинею, король сказал, что Марокко имеет хорошие отношения с этой страной и надеется на дальнейшее улучшение этих отношений. «То, что путь в Гвинею лежит через Марокко», — отметил он, — показывает, что наша страна является связующим звеном между Европой и Африкой».

Король просил передать добрые пожелания советскому народу.

АФРИКА, АФРИКА! Едем по прекрасным асфальтированным дорогам и не перестаем удивляться: где же Африка? Под окном туристской — высоченная пальма, а на ней сотни воробьев чирикают оглушительно. Пока штора была закрыта, мы восхищались — африканские птицы слетались нас приветствовать! А это воробьи, и такие же обычные, как дома, в Москве. Еще на аэродроме поразил неожиданный пейзаж. Вокруг отличной посадочной площадки — поле: конский шавель, желтые цветы сурепки. На клумбах ноготки, настурция, львиный зев. Ну совсем как у нас. Где же Африка?

Наши товарищи по поездке, географы из МГУ, объясняют, что процессы развития Северной Африки и Южной Европы когда-то, в давние-давние времена, были едины. Не могу спорить. Может быть, именно поэтому так мирно уживаются здесь бананы и наша северная сурепка.

Марокко — страна резких и значительно более серьезных, чем природные, контрастов.

Мы жили в великолепных европейских отелях, обеды в роскошных ресторанах, где изысканно вежливые официанты подавали тонкие блюда французской кухни. Мы ходили по улицам белого города. Сверху, с самолета, белые, только белые дома ка-

жались горстью рассыпанного по зеленой скагетти рафинада. Надо спуститься на землю, выйти из автобуса, пройти всего два-три квартала от фешенебельного района, чтобы попасть в старый город, где живет коренное городское население Марокко. Узкие улочки. Станет человек посередине, раскинет руки и достанет до стен домов. Курьезные, очень худые дети сидят на грязной мостовой. Густобородые старики торгуют бог знает чем.

За роскошными виллами и отелями — поселки бедноты. Дома сбиты из старых ящиков, ржавых обрывков железа, кое-где из картона. Вместо дверей — нечто вроде рогожки. По асфальтированному шоссе пролетают роскошные автомобили, а в поле у шоссе в старейшем плуге впряжен худощавый верблюд вместе с маленьким осликом. Шесть у ослика висит ключьями...

Нищета ужасная, отчаянная, покрытая лишаями и коростой, страшная нищета.

Рынок. Здесь, наверное, все, как тысячу лет назад. Заклинатель змей и огромных ящериц. Водонос с медным звончком, за спиной — лоснящийся от грязи лохматый бурдюк. Разве только изменились товары: на прилавках, прямо на земле — узконосые модные туфли, нейлоновые ткани. Но людям труда они не по карману, большинство из них не может себе позволить купить даже килограмм третьего сорта мяса.

В мастерской, где туруются роскошные коври, мне стало горько и страшно.

Здесь мы увидели детей. Четырех-, шестилетние девочки, совсем крошки, быстро перебирая тонкими пальчиками, вплетают цветные нити. Глухой стук челноков. И пыль, шерстяная пыль, разноцветная и тонкая, с ней никто не борется, и она незаметно делает страшное дело, наполняя детские легкие. На это невозможно смотреть спокойно! Хозяин мастерской, впрочем, «утешил» нас, сказав, что детей на работу не принимают, но... мать может привести с собой дочь, это ее право. Она же получает заработанные девочки деньги, Дорого стоят эти ковры!

Когда я увидела добрых знакомых — анов на деревьях, окружающих марокканские поселки, на развалинах старой крепости, я подумала, что эта птица — символ счастья, благополучия — обязательно должна жить в стране, стремящейся к счастью свободы и равноправия среди других стран.

Не в поисках экзотики ездят советские люди в Африку. Хочется больше узнать жизнь народов, ищущих путей к новой жизни, сбрасывающих иго колониализма. Это чувствуют и понимают самые разные люди, с которыми нам пришлось здесь встречаться.

Верится, исчезнет с лица марокканской земли военные базы, и придет сюда счастье и для простого народа. Только строить его надо самим. Анст, хоть и птица счастья, ждет его не в силах.

КАСАБЛАНКА, март

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ. Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАТОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.